

Г. Н. Филь

НОЛЬ

ПРОПУЩЕННЫХ

18+

Г.Н. Филь

Ноль пропущенных

«Автор»

2026

Филь Г.

Ноль пропущенных / Г. Филь — «Автор», 2026

Рассказ для тех, кто устал от романов. Местами циничный. Немного смешной, Немного грустный. Без соплей. Без морали. Без дурацкого «каждая женщина поймёт». Без хэппи-энда, но с надеждой. И да... кота в тексте нет. Но он очень хотел быть. Как тот самый, который обещал позвонить.

© Филь Г., 2026

© Автор, 2026

Г.Н. Филь

Ноль пропущенных

Ноль пропущенных

1.

Свету разбудил не будильник. И даже не совесть — та спала без задних ног, причём не просто спала, а откинула конечности так, словно только что выиграла марафон по пьяному дефиле. Совесть явно не собиралась сегодня мучить никого до обеда. Потому что совесть у Светы — тоже женщина, и у неё вчера был тяжёлый вечер. С кем? С собой, разумеется. Совесть вообще компания не ахти.

В затылок долбил маленький твёрдый палец. Туда, где утром всегда ноет — потому что Света стискивает челюсти во сне. От нервов. От привычки ждать. От привычки додумывать за него то, о чём он даже и не думал.

— Ма-а-ам.

Света scomандовала глазам: «Подъём, лежачие!» Глаза не подчинились. Наоборот, назло склеились ещё плотнее, как две обиженные подруги против общей начальницы. Под веками скреблись мелкие песчинки — злые, как карлики-террористы. Во рту — словно кошка принесла извинения и не убрала за собой, а грудь оккупировала холодная мокрая тряпка, которая когда-то была надеждой.

Это всегда так после ночи, когда ты отдала себя — всю, без сдачи, — а он повернулся и уснул. Вот так: бух — и на другой берег, даже не махнув рукой на прощание. А ты лежишь на спине и рассматриваешь потолок его квартиры с панорамными окнами. Красивый потолок с лепниной. Дорогой. Как виски.

Потом он соскочил, словно его из дивана выстрелило: «Уже утро, Свет, мне надо бежать, давай, одевайся быстро, я подвезу до метро». «Подвезу до метро» — это такая мужская формула вежливости. Означает: «Ты мне больше не нужна, но я не хочу чувствовать себя мудаком. Поэтому полтора километра в машине — это моя индульгенция». А дальше — пешком, голу-бушка, пешком. И не забудь на прощание сказать "спасибо за чудесную ночь"».

А она не спросила: «Зачем ты меня позвал и куда ты так спешишь?» Нет, она спросила, произнесла вопрос идеально — с пафосом, с артикуляцией, с расставленными паузами, но в своей голове. Но рот, как обычно, ушёл в самоволку. Рот вообще часто забывал, что у него есть начальница. Живёт своей жизнью, дышит, ест, иногда целуется — а сказать главное ему слабо.

— Алиса, иди спать, — простонала она. Голос — как после десяти лет курения и одной большой любви. Хотя она не курит. Курит только её подруга Ира. А Света молчит. Молчит как всегда.

— Ты обещала. Сегодня воскресенье. Блины.

Света открыла один глаз. Дочь стояла над ней — руки в боки, бровь в дугу. Десять лет. А уже умеет смотреть так, словно пришла по твою душу... Или за страховкой. Второй глаз подключился сам — понял, что не отсидеться. На Алисе носки-близнецы-потеряшки: один с динозавром, другой с сердечком. Света хотела их найти неделю назад. Но как-то всё руки не доходили. Как и до ответа на вопрос «а что я вообще делаю в этой жизни».

— Алиса, сейчас восемь утра. Какие блины?

— Ты обещала.

— Я обещала блины, но не конкретно в восемь утра.

— А во сколько конкретно?

Света села, поправила сползшее одеяло — и краем глаза заметила на плече след его губ. Его обещания. Его «ты такая красивая, ты такая необычная». След был отчётливый, как штамп «Сделано в Китае» — красиво, но ненадолго.

Она быстро натянула футболку. Но Алиса уже успела увидеть. Всё успевает эта девочка.

— В десять, — сказала Света. — Дай мне два часа.

— Мам, а ты где вчера была?

— На работе.

— В субботу?

— Да.

— Ты в платье уходила, а на работу ты в платье не ходишь.

— Алиса...

— Что?

— Иди смотри мультики.

— Я уже большая.

— Тогда иди читай.

— Я всё прочитала. Даже то, что в телефоне у тебя.

— Алиса.

— Ладно.

Она вышла. Прошлёпала на кухню. Открыла холодильник. Помолчала. И вдруг — негромко, отчётливо, в пустоту, как говорят себе взрослые, когда думают, что никто не слышит:

— Опять.

У Светы дыхание оборвалось. И не потому, что дочь всё поняла. А потому что дочь научилась этому голосу — «опять» — от неё. От мамы.

Она потянулась к телефону. Ноль пропущенных. Ноль сообщений.

«Ну конечно, — подумала Света. — Он же сказал "ты классная". А когда мужик говорит "ты классная", это значит "до свидания, но так, чтобы тебе было приятно"». Она знала эту фразу наизусть, как «Отче наш». Только без «аминь».

Света открыла приложение для знакомств. Максим был в сети две минуты назад.

Она бросила телефон на кровать. Под ложечкой засосало — холодно, привычно. Боль не острая, а тягучая, которая просто есть. Жить не мешает, но и радости никакой.

И тут, как иголка из подушки: вчера он сказал: «У тебя глаза как шампанское — искрятся». И посмотрел ровно три лишних секунды. Три секунды, Карл! Это вам не «пошлые пять» и не «одна — чихнул случайно». Три секунды — академический стандарт дешёвого оболыщения. Столько длится взгляд мужчины, который хочет, чтобы вы поверили в его глубокую душевную организацию. На четвёртой он бы уже думал о сэндвиче. Три. Идеально.

Она сидела на постели, в футболке, со следами его губ на теле, и перебирала эти три секунды, как чётки. Может, не три? Может, две с половиной? Может, он так не всем говорит.

— Козёл, — сказала она вслух. Она произнесла это слово с интонацией врача, ставящего диагноз «острый дефицит мозгов». В этом слове было минутное облегчение. Всегда было. Потому что если он козёл — то она не дура. Она просто доверилась не тому человеку.

— В двадцать первый раз... — Света запнулась. Потому что «в двадцать первый» — это уже не ошибка, а система. Лотерея с отрицательным выигрышем, где главный приз — пустота на утро.

2.

Она замешивала тесто. Молока мало — может, не хватить, хотя должно быть ещё в холодильнике «должно быть» — это третья по силе ложь после «я тебе позвоню» и после «это про-

сто друг». Телефон завибрировал. Света бросилась к нему с такой скоростью, что мука взметнулась белым облаком — хоть гадай на ней, как на кофейной гуще.

Нет, не он... Ира, блин. «Ну чё, как вчера?» — это вам не смс, это диагностическая процедура, только без анестезии.

Света выдохнула. Или вдохнула. Не поняла.

Нажала ответить.

— Света, ну сколько можно? — голос Иры был не злым. Усталым. Как у хирурга, который в сотый раз зашивает одного и того же пациента: «Я тебя предупреждала, а ты опять с ножом в драку».

— Ир, только без лекций, ладно? Я знаю. Я дура. Я повелась опять. Давай короче.

Ира помолчала. Света услышала щелчок зажигалки. Ира курит только в трёх случаях: стресс, секс или вместо секса. Сейчас — явно вместо, потому что третьего не случилось, а первое — в избытке.

— А чё ты сразу «дура»? — сказала Ира неожиданно. — Я тебе позвонила не лекции читать. Я тебе звоню, потому что у меня тоже.

— Что — тоже?

— Ну. Познакомилась в приложении. Милый такой, высокий, Тесла. На аватарке он с собачкой. Собачка в свитерочке, такая, знаешь, забавная. Я думаю: «О, ответственный. Животных любит. Не псих, не маньяк».

— И?

— И... — Света уже знала это «и». Как припев в песне, которую помнишь наизусть. Ира затянулась. Выдохнула. — Через час! Не через день, не через неделю — через час! Я даже кофе допить не успела, я на втором глотке была, а передо мной он уже выкладывает весь ассортимент своего мужского достоинства, как на распродаже в «Магните».

— О господи.

— Я говорю: «Ты чего, с ума сошёл?» А он: «Ты же современная женщина, я думал, ты оценишь». Оценишь, блин. Я ему: «Ты бы ещё визитку свою приложил. И справку от венеролога, на всякий случай. Современная женщина сейчас тебя заблокирует на хер. А собачку твою пожалею — что с таким уродом живёт».

Света засмеялась. Не через силу. По-настоящему, так, что из глаз — слёзы.

— Ир, ты серьёзно?

— Абсолютно. Свет, я хочу серьёзные отношения. А получаю члены. Мне сорок два. У меня дочь в институте. Я хочу, чтобы мужчина спросил «как прошёл день», а не длину свою демонстрировал. Я его не просила паспорт показывать, тем более в таком ракурсе.

— И что ты сделала?

— Заблокировала. Села с вином, смотрю «Бриджит Джонс». В сотый раз. И знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что у неё получилось. Она дура была ещё та, а получилось. А у меня третий год не получается. Я уже коллекцию членов собрала. Свет, я могу галерею открывать. «Мужское достоинство в эпоху дейтинга. Сезон безнадёги». Билеты по пятьсот рублей. Для мужчин — бесплатно. По размеру рассортирую, пусть приходят, любят, меряют, сравнивают и плачут. Экскурсовод — я, в чёрном платье и с указкой: «А вот этот прислал своё хозяйство через три минуты после “здравствуйте”. Типичный синдром недолюбленного фотошопа».

— Ир, прекрати, я сейчас блины собираюсь печь, а у меня молока мало.

— А вино есть?

— Есть.

— Ну вот. Блины на вине — тонко, интеллигентно. Бери пример с француженок. У них даже депрессия с хорошим букетом.

Они замолчали. На сковородке задымилось масло — Света не заметила, как включила газ.

— Ир, — сказала Света тихо. — А ты не боишься, что так и останемся?

— В смысле?

— Ну. С этими... С этими членами. С этим «ты классная, но». С «перезвоню». Что никогда уже не будет нормального, живого.

Ира молчала. Света подумала, что связь оборвалась.

— Ир?

— Свет, — сказала Ира. — Я тебе страшную вещь скажу. Может, никого и не будет. Скорее всего, мы и правда одни останемся — с дочерьми, с кошками, с кредитами и с этой грёбаной надеждой, которая просыпается раньше будильника. Но знаешь что?

— Что?

— Лучше остаться одной, чем лежать с мужиком, который уснул и даже не обнял. Я больше не хочу смотреть в потолок и чувствовать себя салфеткой использованной — не просто салфеткой, а той, которой уже вытерли стол и бросили в ведро, даже не смяв её с чувством. Я лучше буду пить вино с тобой по телефону, и танцевать одна на кухне. И гладить свою кошку. Кошка, кстати, членов не присылает. И не обещает позвонить. И какает в лоток, а не в душу.

— Ир, — сказала Света и вытерла нос — рукой, рукавом, мукой — не разобрать. — Если бы мне платили рубль за каждое «ты классная, но...», я бы уже купила квартиру в Москве. С панорамными окнами.

— А если бы мне платили за каждое фото члена, — сказала Ира, — я бы купила эту грёбаную Теслу. Голубую. С белым салоном. И сожгла бы её. На глазах у хозяина. А собачку бы забрала. Собачка-то не виновата, что её хозяин — экспонат из моей галереи.

— Ты же не умеешь водить.

— Я научусь. За день. Чтобы сжечь. Сяду, доеду до его дома — и скажу: «Горит твоя любовь, Вова. Собачку жалко, а тебя — нет».

— Ир, ты гений.

— Я просто устала. Давай, пеки блины. И купи молоко.

— Куплю.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Не обещай. Просто купи.

Ира сбросила звонок. Света сидела с телефоном в руке и улыбалась дурацкой улыбкой Ире — той, что курит в сорок два, коллекционирует мужские достоинства и всё равно остаётся самым честным человеком в её жизни. Ира была для Светы тем, чем для обычной женщины зубная щётка: не романтично, но необходимее любого мужика.

Она положила телефон. Взяла лопатку.

— Ладно, блин, — сказала она сковородке. — Сегодня мы с тобой подружимся.

Первый блин вышел комом.

— Этот — мне, — сказала Света и перевернула его на тарелку. — Остальные — Алисе.

Открыла холодильник. Замерла.

Молока больше не было.

— Алиса!

— Что?

— А молоко где?

— Ты сказала, что купишь вчера.

— Я не говорила.

— Говорила. Когда уходила на работу в платье. Сказала: «Я молоко куплю, не переживай».

Света закрыла глаза. Она помнила. Помнила и не купила. Потому что думала о другом. О том, как у неё глаза, как она пахнет. О том, застегнула ли она пуговицу... О том, что он сказал, как он посмотрел, как он дышал. О молоке она подумала бы, если бы он хотя бы спросил «у тебя дома всё есть?».

— Я сейчас схожу, — сказала Света.

— Не надо. — Алиса набычилась. — Ты вечно всё забываешь. Обещаешь и забываешь. Блины, молоко, меня в школе забрать. Ты меня даже родить забыла, я сама вылезла!

— Алиса, это была не смешная шутка.

— А это и не шутка.

— Прекрати.

— А что прекратить? Бабушка права: ты думаешь только о своих дядьках. А я тут... я просто хочу, чтобы ты была дома. Не с ними. Со мной.

— Да пропади они пропадом, эти блины! — крикнула Света.

Голос вырвался сам. Такой громкий, что в сушилке жалобно звякнули ложки.

Алиса замолчала. Посмотрела на мать. В глазах — не обида. Страх. Маленький, звериный страх ребёнка, который не знает: мама сейчас заплачет или уйдёт?

Света увидела этот страх — и всё внутри упало. Оборвалось. Как та самая тряпка в груди, только теперь она упала окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.